

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭРМИТАЖ
The State Hermitage Museum

Государственный
Исторический
Музей
КРАСНАЯ ПЛОЩАДА, 1

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

ЭВОЛЮЦИЯ НЕОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 15-17 МАЯ 2019 г.

Санкт-Петербург, 2019

УДК 902/904
ББК 63.4 С
С833

Утверждено к печати Ученым советом СГСПУ

Программный комитет конференции:

*д.и.н. В.А. Лапшин (ИИМК РАН),
д.и.н., проф., академик РАН М.Б. Пиотровский (Государственный Эрмитаж),
д.и.н. О.Д. Мочалов (СГСПУ).*

Организационный комитет:

*к.и.н. А.Н. Бессуднов (ЛГПУ), к.и.н. С.Н. Гапочка (ВГПУ), д.и.н. С.А. Васильев (ИИМК РАН),
д.и.н. А.А. Выборнов (СГСПУ), А.Н. Мазуркевич (ГЭ), к.и.н. Е.В. Долбунова (ГЭ),
к.и.н. Е.А. Кашина (ГИМ), к.и.н. Е.М. Колпаков (ИИМК РАН), к.и.н. А.И. Королев (СГСПУ),
А.А. Малютина (ИИМК РАН), к.и.н. Г.В. Сеницына (ИИМК РАН), к.и.н. Е.С. Ткач (ИИМК РАН),
к.и.н. В.Я. Шумкин (ИИМК РАН), к.и.н. А.В. Энговатова (ИА РАН).*

Ответственные редакторы:

д.и.н. А.А. Выборнов, к.и.н. Е.В. Долбунова, к.и.н. Е.М. Колпаков, к.и.н. Е.С. Ткач

Рецензенты:

к.и.н. Д.В. Герасимов, к.и.н. И.Н. Наумов

Организация конференции и издание материалов осуществлены в рамках выполнения
проекта № 33.1907/ПЧ государственного задания Минобрнауки РФ

С833 Эволюция неолитических культур Восточной Европы. Материалы международной конференции, посвященной 120-летию М.Е. Фосс, 110-летию Н.Н. Гуриной и 80-летию А.Т. Синюка. Под редакцией А.А. Выборнова, Е.В. Долбуновой, Е.М. Колпакова, Е.С. Ткач. – СПб.: ИИМК РАН, ГЭ, Самара: СГСПУ / ООО «Порто-принт», 2019. – 115 с.

ISBN 978-5-91867-189-4

Сборник содержит материалы международной конференции, приуроченной к 120-летию М.Е. Фосс, 110-летию Н.Н. Гуриной и 80-летию А.Т. Синюка. Представленные работы затрагивают вопросы изучения позднекаменного века и эпохи раннего металла. Анализируются критерии выделения археологических культур неолита, сходства и различия волго-окской, верхневолжской, дубово-отарской, среднедонской, средневолжской и других культур. Рассматриваются возможности определения культурных областей, горизонтов и типов. Выделяются принципы обоснования перехода от неолита к бронзовому веку на территории лесной и лесостепной зон Восточной Европы. Определяется роль керамики в реконструкции культурных процессов в неолите–энеолите. Издание предназначено для археологов и представителей смежных дисциплин.

ISBN 978-5-91867-189-4

УДК 902/904
ББК 63.4 С
С833

© А.А. Выборнов, Е.В. Долбунова, Е.М. Колпаков, Е.С. Ткач
© Коллектив авторов
© ИИМК РАН, ИА РАН, ГЭ, СГСПУ, 2019
© ООО «Порто-принт», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А.Н. Акиншин, А.Н. Бессуднов, Е.Ю. Захарова</i> МАРИЯ ЕВГЕНЬЕВНА ФОСС в ЦЕНТРАЛЬНОМ ЧЕРНОЗЕМЬЕ: жизнь и деятельность	3
<i>Е.А. Кашина, М.М. Якушкина</i> М.Е. Фосс и Государственный исторический музей	5
<i>М.М. Якушкина, Е.А. Кашина</i> М.Е. Фосс — археолог и человек	6
<i>Г.В. Синицына</i> Научное наследие Нины Николаевны Гуриной — исследователя позднего каменного века Евразии	8
<i>С.Н. Гапочка, А.Н. Бессуднов</i> А.Т. Синюк и развитие представлений об эволюции неолитических культур Восточной Европы	9
<i>О.В. Андреева (Ересько), Н.С. Батуева</i> Некоторые итоги изучения гончарных традиций левшинского этапа камской неолитической и новоильинской энеолитической культур	11
<i>Л.С. Андрианова</i> Охристые пятна Боровиковского археологического комплекса	13
<i>А.В. Вайтович</i> Роль культуры шаровидных амфор в развитии сообществ Верхнего Понеманья	14
<i>И.Н. Васильева</i> Гончарная технология населения стоянки Ракушечный Яр в периоды неолита и энеолита: сравнительный анализ	16
<i>Т.А. Васильева</i> Начало «эпохи раннего металла» на территории Карелии: материалы и исследования	18
<i>Е.В. Волкова</i> Отражение в гончарных традициях контактов Фатьяновско-Балановского и поздневолосовского населения	19
<i>К.Э. Герман</i> Финал культуры сперрингс: проблема и пути решения	20
<i>Т.М. Гусенцова</i> Эволюция неолитических культур Южного Приладожья	22
<i>Н.С. Дога</i> Периодизация и хронология прикаспийской культуры	25
<i>Е.В. Долбунова, Е.Л. Костылева, А.Н. Мазуркевич, Дж. Медоус, М.А. Кулькова, Б. Курель, А. Ликвин, К. Херон, О. Крэг</i> Эталонные памятники верхневолжской культуры Сахтыш II, III, VIII: хронология, типология и использование глиняной посуды	27
<i>Е.Н. Дубовцева, Л.Л. Косинская, Х. Пиецонка</i> Раннеэнеолитическое городище Амня I — новые данные	30
<i>И.Н. Езепенко, И.В. Езепенко</i> Родственные неолитические культуры днепро-донецкой общности Верхнего Поднепровья: общие и отличительные черты	32
<i>А.С. Желудков, Р.В. Смольянинов, И.В. Климкова</i> Материалы эпох позднего неолита-ранней бронзы со стоянки Подзорово из раскопок М.Е. Фосс 1953 года: новый взгляд	34
<i>В.Н. Карманов, Н.Г. Недомолкина, А.Ф. Мельничук</i> Неолитические культуры на Северо-Востоке Европы и современные представления о них	35

<i>А.М. Киселева, А.И. Мурашкин</i> КУЛЬТУРНАЯ СТРАТИГРАФИЯ ПОСЕЛЕНИЯ Маяк 2 на Кольском полуострове	37
<i>Е.М. Колпаков</i> «ЭПОХА РАННЕГО МЕТАЛЛА»?	40
<i>А.И. Королев</i> ОТ НЕОЛИТА К ЭНЕОЛИТУ (ПРОБЛЕМА ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА В ЛЕСОСТЕПНОМ Поволжье)	41
<i>Н.В. Косорукова, В.А. Лукинцева, С.А. Воронков, Т.С. Гринина</i> О ПРОБЛЕМЕ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ МЕЖДУ ПАМЯТНИКАМИ ЭПОХ МЕЗОЛИТА И РАННЕГО НЕОЛИТА В БАССЕЙНЕ ОЗ. Воже	43
<i>Е.Л. Костылева</i> ВЕРХНЕВОЛЖСКАЯ РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ	46
<i>А.С. Кудашов</i> КУЛЬТУРНЫЙ СТАТУС РАННЕГО НЕОЛИТА Марийского Поволжья (по керамическим материалам).....	48
<i>А.А. Куличков, Р.В. Смольянинов, Е.С. Юркина</i> НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ЭПОХ НЕОЛИТА И ЭНЕОЛИТА НА Верхнем Дону (по результатам разведочных исследований в бассейне р. Воронеж в пределах Мичуринского района Тамбовской области в 2017 г.).....	49
<i>Г.М. Левковская, Г.И. Зайцева, А.Н. Боголюбова</i> О ТРЕХ ФАЗАХ НЕОЛИТИЧЕСКОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ Восточной Прибалтики (по археологическим, радиоуглеродным и палинологическим данным)	52
<i>Е.Л. Лычагина, А.А. Выборнов, О.В. Жукова</i> МЕСТО новоильинской культуры в неолите-энеолите Волго-Камья	56
<i>А.Н. Мазуркевич, Е.В. Долбунова, О.В. Лозовская, М.А. Кулькова, Дж. Медоус</i> ТИПОЛОГИЯ КЕРАМИКИ 6 тыс. до н.э. стоянки Замостье 2	57
<i>А.А. Малютина, А.И. Мурашкин</i> КОЛЬСКИЙ Оленеостровский могильник : свидетельства использования металла	60
<i>Н.Л. Моргунова</i> ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД ОТ НЕОЛИТА К ЭНЕОЛИТУ В Волго-Уралье : КРИТЕРИИ И ХРОНОЛОГИЯ	63
<i>В.В. Морозов</i> НОВОИЛЬИНСКИЕ ПАМЯТНИКИ Нижнего Прикамья : АРГУМЕНТАЦИЯ В ПОЛЬЗУ ФИНАЛЬНОНЕОЛИТИЧЕСКОГО ВОЗРАСТА КУЛЬТУРЫ	64
<i>В.С. Мосин</i> НЕОЛИТИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ Зауралья : СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ СОДЕРЖАНИЕ.....	66
<i>А.И. Мурашкин</i> ЭПОХА БРОНЗЫ НА Кольском полуострове : ПРЯМЫЕ И КОСВЕННЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА.....	67
<i>В.В. Никитин</i> МЕЗОЛИТ И НЕОЛИТ Марийского Полесья (эволюция, проблемы выделения культур)	69
<i>Ю.Б. Сериков</i> ОБРАЗ ВОДОПЛАВАЮЩЕЙ ПТИЦЫ В ИСКУССТВЕ НЕО-ЭНЕОЛИТИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ Урала	71
<i>В.В. Сидоров</i> ФИЛОСОФИЯ АРХЕОЛОГИИ.....	73
<i>Г.В. Синицына, А.В. Уткин</i> ДИСКУССИЯ О СХОДСТВЕ/РАЗЛИЧИИ валдайской и верхневолжской культур	79
<i>А.М. Скоробогатов</i> НАЧАЛО ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА В донской лесостепи	81
<i>Р.В. Смольянинов, А.А. Куличков, Е.С. Юркина</i> РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ Ярлуковская Протока (пункт 222) на Верхнем Дону	82

<i>А.В. Сомов, А.А. Шалапинин</i> ХРОНОЛОГИЧЕСКОЕ СООТНОШЕНИЕ НЕОЛИТИЧЕСКИХ И ЭНЕОЛИТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ ЛЕСОСТЕПНОГО Поволжья	84
<i>В.В. Ставицкий</i> КОНЦЕПЦИЯ «ПЕРЕЖИТОЧНОГО НЕОЛИТА» А.Т. Синюка.....	85
<i>В.В. Ставицкий</i> К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ НЕОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА	87
<i>А.В. Сурков</i> СРЕДНЕДОНСКАЯ КУЛЬТУРА: ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ.....	88
<i>Е.С. Ткач</i> КУЛЬТУРЫ ШНУРОВОЙ КЕРАМИКИ: ЭПОХА КАМНЯ ИЛИ БРОНЗЫ?.....	90
<i>О.Ю. Ткачев</i> ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ НЕМАНСКОЙ КЕРАМИКИ ЗАПАДНОГО ПОЛЕСЬЯ: НА ПРИМЕРЕ ПАМЯТНИКОВ ПОГОСТ-ЗАГОРОДСКОГО МИКРОРЕГИОНА.....	93
<i>М.А. Холкина</i> КЕРАМИКА С ПРИМЕСЬЮ АСБЕСТА: ИСТОЧНИКИ И ПРОБЛЕМАТИКА.....	94
<i>И.Ю. Хрусталева, А. Крийска, М.А. Холкина</i> РИЙГИКЮЛА I (Эстония), ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ МАТЕРИАЛОВ НЕОЛИТИЧЕСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ 65 ЛЕТ СПУСТЯ.....	97
<i>Н.А. Цветкова</i> НАЧАЛО НЕОЛИТИЧЕСКОЙ ЭПОХИ НА ВЕРХНЕЙ ВОЛГЕ: КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ИЛИ ЭВОЛЮЦИЯ КУЛЬТУРЫ?	99
<i>Ю.Б. Цетлин</i> ЕЩЕ РАЗ О ВОЛГО-ОКСКОЙ РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ.....	101
<i>А.Ф. Шорин, А.А. Шорина</i> ЭВОЛЮЦИЯ НЕОЛИТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ ЗАУРАЛЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ КОКШАРОВСКОГО ХОЛМА).....	103
<i>В.Я. Шумкин, Т.Б. Крылова, Г.В. Синицына</i> КАМЕННАЯ ПОДЕЛКА С ГАВИРОВАННЫМ ОРНАМЕНТОМ СО СТОЯНКИ ЗЕХНОВО III	105
<i>А.И.Юдин, А.А.Выборнов</i> КУЛЬТУРНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ НЕО-ЭНЕОЛИТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ НА ПРИМЕРЕ ПОСЕЛЕНИЯ ОРОШАЕМОЕ В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ	107
<i>Е.С. Яковлева</i> РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ ЗАУРАЛЬЯ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ АТТРИБУЦИИ.....	109
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	111

бражений водоплавающей птицы совпадает с областью проживания населения финно-угорской языковой группы.

ЛИТЕРАТУРА

- Викторова В.Д., Чауркина Н.М., Широков В.Н. 1997. Гора и водоплавающая птица в мировидении древнего уральского населения // Уральский исторический вестник. С. 40–64.
- Гурина Н.Н. 1972. Водоплавающая птица в искусстве неолитических лесных племен // КСИА. Вып. 131. М.: Наука. С. 36–45.
- Ковалева В.Т. 2004. Образ мира населения аятской культуры (по орнаментах на сосудах) // Четвертые Берсовские чтения. Екатеринбург: «АКВА-ПРЕСС». С. 76–82.
- Молодин В.И., Чемякина М.А. 2010. Орнитоморфные навершия одиновской культуры (Западносибирская лесостепь) // Уральский исторический вестник. № 1. С. 5–14.
- Сериков Ю.Б. 2014. Очерки по первобытному искусству Урала. Н.Тагил: НТГСПА. 268 с.
- Чауркина Н.М. 2005. Энеолит Среднего Зауралья. Екатеринбург: УрО РАН. 313 с.

IMAGE OF WATERFOWL IN ART OF THE NEO-ENEOLITHIC POPULATION OF THE URALS

Yuriy Serikov

Russia state professionally pedagogical University (Nizhniy Tagil branch), Nizhniy Tagil, Russia

The first generalizing work on images of waterfowl in the Neolithic art was presented by N.N. Gurina in 1972. Based on numerous findings the author defines their chronology and distribution area, characterizes the features of images and offers reconstruction of the overall picture of the world. At the same time the Ural Mountains is the easternmost distribution area of images of waterfowl marked by only a few finds.

Up to date, the situation presented by N.N. Gurina has changed a lot. On the territory of Ural dozens of

sculptural images of waterfowl made of stone, clay, bone, antler and wood were discovered. Even more known are the engraved images of birds on ceramic vessels. The analysis of the images show that the image of the bird appeared in different symbolic meanings: demiurge, ancestor, progenitor of the genus, one of human souls. The assumption of N.N. Gurina that the area of distribution of images of waterfowl coincides with the area of residence of the population of the Finno-Ugric language group is confirmed.

doi.org/31600/978-5-91867-189-4-2019-72-74

ФИЛОСОФИЯ АРХЕОЛОГИИ

В.В. Сидоров

Институт археологии РАН, Москва

«Философия – это способ мыслить отчетливо» (М. Мамардашвили)

Как и любая зрелая наука, археология обладает философией в той мере, в какой предмет своего изучения – былую действительность – она отражает как целостность, системную связь. Это и позволяет ей соответствовать реальности. Именно системная связь позволяет реконструировать прошлое, а философия и есть выявление целостности Мира. Археология – метод реконструкции былой действительности по материальным следам, что свойственно не одной археологии. Астрономия, геология, биология, лингвистика – все имеют в качестве предмета прошлое. Этот метод применим к прошлому как результату стихийного или направленного действия совершив-

шихся процессов. Прошлое индивидуально, его невозможно воссоздать экспериментально. Другие же науки исследуют повторяющиеся процессы, воспроизводимые неограниченно.

Попытки выстраивать всеобъемлющие универсальные классификации раз за разом оказываются не работающими: они полны информационного шума, то есть сообщений без связи. Связать часть признаков может гипотеза, работающая не со всей базой данных, а только с ограниченным комплектом признаков. Для исследования другой гипотезы потребуется иной набор признаков и придание им иного веса.

Как у исторической дисциплины предметом археологии является социум. Жизнь и история социума – это системное переплетение разнообразных факторов, в том числе таких, которые не оставили материальных следов, читаемых современной наукой. О том, что они были, и действовали – нашей науке указывает этнография, хотя конкретные этнографические модели не тождественны былой действительности – они только модели, то есть количество задействованных в них факторов условно ограничено. Системная связь фиксируемых следов с теми следами, которые мы ищем, позволяет их учитывать, хотя и не восстанавливает конкретику.

Целостное восприятие былой действительности, несмотря на неполноту выявленных данных, позволяет говорить о философии археологии. Без выяснения системной связи фиксация как «объективных данных» превращается в конструирование действительности из известных элементов. Например, количественное соотношение разновременной керамики в комплексе памятника часто используется для оценки относительной интенсивности хозяйственной деятельности разновременных обществ. Но учитывать надо еще и разрушение керамики предшествовавших комплексов, а также зависимость этого разрушения от технических свойств черепка. Планировка поселений должна исследоваться при строгой синхронизации построек и с учетом развития рельефа. То же самое касается предположений о группировке поселений. Без строгой синхронизации мы получаем только показатель относительных предпочтений мест построек и поселений, но не реальные их планы. Статистический учет признаков должен вестись с учетом обоснования выделения единиц учета, иначе мы получаем только представления автора о предмете (как у Ю.Б. Цетлина).

Изменения действительности – результат процессов, которые мы пытаемся наблюдать по этим изменениям. Зафиксировав состояние предмета и проследив его развитие на коротком отрезке, мы экстраполируем наблюдаемое на предыдущее состояние (пока реконструкция не упирается в противоречия), определяем при этом тенденцию развития самих действующих факторов и пределы достоверности. На раннем этапе развития науки пытаются обходиться непосредственными наблюдениями, без изучения того, как со временем меняются действующие факторы.

Задачи, решаемые археологической наукой, могут быть конкретными реконструкциями отдельных частей былой действительности, но части существо-

вали как целое, были системно связаны. Верифицировать решения приходится – и это обязательно – данными другой науки. Никакая наука не может сама себя доказывать. Доказывает практика, и то только как частный случай, в пределах доступного. Другие науки, исследующие общество – этнология, социология, культурология, антропология, историческая лингвистика – могут проверять выводы археологии, но и сами ею проверяемы. Лингвистикой достоверно определяется степень родства языков, следы заимствований, последовательность лингвистических явлений, концепция праязыков позволяет реконструировать былое звучание слова и его контекст. Но безнадежно определение времени глоттохронологическими методами – сомнительность этих датировок показана и О.Н. Трубачевым.

Тематика конференции нацелена на определение действующих факторов. Но зрелость науки наступает, когда она обнаруживает изменчивость самих действующих факторов. По этому признаку историческая лингвистика, тоже выстраивающая картину лингвогенеза, отождествляя ее с картиной этногенеза, находится во младенчестве. Она опирается на интралингвистические факторы, которые небезразличны к условиям функционирования языка, но представления об этих условиях лингвисты, по-видимому, черпают пресловутого «из здравого смысла».

Экстралингвистические факторы – характер контактов, частоту и интенсивность их, сферу применения, избирательность связей, разделение труда они учесть не могут. Попытка привлечения археологии для датировки появления категорий инвентаря и материалов никакого отношения к истории языков не имеют: заимствование всегда комплексно, происходит вместе с терминами, свидетельствуя только о контакте. Языковой же пласт терминов усваивается далеко не в детстве и не относится к основному словарному составу. Он легко пересекает этнические границы. Языковые заимствования основного состава – результат бытового двуязычия, то есть межэтнических браков. А они включали не только соседей, но и отдаленные группы – так надежнее избегали инбридинга, блюли экзогамию. Но при этом языки контактирующих групп оставались взаимопонятны. Археологически же фиксируется параллельность развития не только ближних локальных вариантов, но и культур, включаемых в «культурную общность», то есть информация просачивалась на тысячи километров.

Попытки привязать последовательную смену археологических культур к ступеням распада праязыка

искусственны: они не сопровождаются выяснением масштаба культурной градации, условий трансформации культур, опираются на предположения о миграциях, строящихся на изменениях легко заимствуемых элементов или на случайных совпадениях. Лингвисты требуют от археологии миграций с дальним переселением, с разрывом родственных связей с материнской культурой. И археологи берут под козырек, говорят – «Есть!», и привязывают к ветвлению языкового древа археологическую периодизацию, трактуя смену археологических эпох, культур как следствие развития языков, культурных контактов и переселений, указанных лингвистами. В итоге – историческая лингвистика не выдерживает проверки историей. Историю языков лингвисты укладывают в считанные тысячелетия, предполагая их стремительные изменения, намного более быстрые, чем в эпоху, когда существует письменная их фиксация: 500 лет – и совершается распад праязыка. И это при том, что тверские карелы за 400 лет изолированного (от прионежских карел) существования сохранили исходные диалекты. А для лингвистов за пределами 4–5 тысяч лет начинается уже пространство неведомых языковых ветвей, полная свобода для лингвистических фантазий.

Миграции – не такое уж повседневное явление. Это перенос в новую природную и социальную среду культуры, которая к ним не адаптирована, и в результате или несет тяжелые потери, или быстро начинает меняться, заимствуя опыт другой культуры. Смена этнографического облика еще не есть смена этноса, если его основа – социальные связи. А родственные связи и безусловные обязательства не разрывает даже смена языка. Происходит ли в результате миграций разрыв с материнской культурой? Такие случаи возможны, но как исключение. Обычно связи не рвутся. Фатьяновская культура, вышедшая из среднеднепровской, продолжала развиваться параллельно ей на новой территории. Волосовская культура, распространившись по лесной зоне, тоже продолжала развиваться на этих территориях как часть единой общности. В одной последовательности появлялись новации в зарубинецкой культуре и в поздней дьяковской. Информационный обмен шел и через культурные границы. Земля не так уж велика, а общение – нормальное человеческое свойство.

Гипотеза миграции требует конкретного наполнения фактами, обстоятельствами, а не предположениями о цели миграции. Цели может не быть, но обязательно есть вполне материальные условия. Было

ли перенаселение на исходной территории? Как полно использован ресурс исходной территории? Важнейший вопрос – какова численность и половозрастной состав мигрировавшей группы? Располагала ли культура адаптирующими компонентами для освоения нового пространства? Существовали ли каналы связи с аборигенами до миграции, как они менялись во времени и пространстве? Насколько компактно располагается на новой территории мигрировавшая группа? Какова интенсивность связи с материнской культурой? Увы, на эти вопросы выдвигаются только предположения, хотя археология содержит источники, позволяющие их решать.

Археология нацелена на изучение социума, и тут мы вступаем на поля социологии и культурологии. Человек – животное общественное, и его как таковое изучает психология. Этология стайных животных показала, что характер эмоций, их проявление и реакция на них выходят далеко за пределы вида – архетипы поведения в основе биологичны. Социум существует объективно. Столь же объективно в нем идет циркуляция информации. Это просто свойство любого социума, не только человеческого. Разница с животными в том, что человек кодирует информацию в символы, что позволяет накапливать ее в гораздо больших количествах и более оперативно извлекать. У животных тоже существует символика, но в зачаточной форме, у человека же складывается иерархия символов, менее замкнутая на эмоции. Символы у зверя куда эмоциональнее и требуют больше энергии.

Палеоэкономические исследования как реконструкция условий существования могут вестись непосредственно на археологических источниках. Существующие работы, совмещающие естественно-научные исследования и археологию – интерпретация отдельных частных случаев. Накопление этих частных случаев превращает их в статистически достоверные. Определение численности и плотности населения, интенсивности контактов, а также размеров, типов и частоты использования угодий, длительность обитания – все это результаты наблюдений над археологическими реалиями, интерпретируемые естественными науками и этнографией. Поселение и его место в экосистеме – важнейший фактор палеоэкономической реконструкции. В нем экономика проявляется в интегрированном виде. Есть еще один источник, позволяющий оценить качество жизни – это антропология. Но серийность таких исследований невелика – фактически мы имеем дело с конкретными случаями выявления биологических особенно-

стей и экстраполируем их, предполагая закономерности, которые проявляются через частные случаи.

Исследуя древние технологии, распознать их удастся только тогда, когда они перестают быть секретами. С одной стороны – такое изучение позволяет описывать стереотипы навыков, а значит – добавляет деталей для чтения поведения. В эксперименте идет выработка языка описания наблюдаемых в археологии признаков и оформления навыка в виде элемента культуры. С другой стороны – эксперимент позволяет оценивать техническое оснащение, его эффективность, хотя в эффективности гораздо больше технической оснащенности важен ручной навык, тренированность. На точную оценку экономического значения каких-то новаций, замеряемую в ходе экспериментов, надеяться не стоит. И навыки, и среда слишком сильно изменились. Но самое главное – изменилась и само содержание экономики, она имеет совсем другие ценности. В связи с этим наивными представляются палеоэкономические дефиниции с использованием современной экономической проблематики. Поиски торговли в первобытности, вплоть до палеолита, контроль за рынками и тому подобное – никакого смысла не имеет при ином отношении к таким архетипическим категориям как время, социальные связи, престиж. О содержании их можно судить из этнографии, но архаичная этнография сама еще недавно использовала те же политэкономические шаблоны. В то же время поиски в этнографии аналогий наблюдаемому в археологии, иллюстрирование этнографией археологии, активно используемое в недавнем прошлом нашей науки, подменяет исследование конкретного явления моделью. Аналогия – это сопоставление моделей, а не доказательство тождества, она только повышает точность сравнения.

Деятельность общественного существа включает использование готовых решений, стереотипов, которые являются зафиксированным опытом других особей социума. Но это и есть культура как общественный опыт, то есть информация, полученная путем научения. И в социуме нарабатывается система накопления, фиксации и передачи опыта. Специфика информационных полей культуры связана с конкретной направленностью опыта и системной связью его элементов. Опыт может быть направлен на преобразование природной среды – и тогда это материальная культура, и на регуляцию социальной среды – это называется духовная культура. Культура вообще-то ни материальна, ни духовна – она имеет информационную природу.

В социуме возникает разделение труда, специализация как структурирование опыта, связанное с видами деятельности – развиваются субкультуры. Если приспособление к конкретной среде в животном мире происходит через видообразование, но начинается оно все же с вариативности поведения (это можно рассматривать как возвращение к Ламарку). Специализация касается поведения, и только потом – биологии, соматики, возможно с подключением фактора отбора, который есть частный случай изменчивости. Адаптация человека к еще более разнообразной среде, чем это доступно любому другому виду, идет через культуру. При этом, несмотря на миллионлетнюю изолированность популяций в разных концах Ойкумены, все они остались одним видом. И это – археологический факт, который осмысливать биологам.

Стереотипизированный опыт – это специализация не только отдельных групп в пределах социума, но и повторяемость ситуаций, группового поведения. Эти стандарты попутно обозначают распознавание «свой–чужой». Свой – значит понимающий твой опыт, а значит – тебя. И это сплачивает группу. Но чужой опыт – тоже апробированный кем-то, но его понимать надо учиться, то есть усвоение его ведет к расширению культуры. Он может быть запасным опытом, когда своих стереотипов не хватает. Общение с носителями другой культуры, с одной стороны, ведет к осознанию единства «своих», с другой – и очень существенно – создает адаптационный резерв и придает гибкость собственной культуре.

Один из способов закрепления опыта – формирование традиций. Это привычка, стереотип, но пропущенный через вербальную форму, способ двойного копирования. Перевод фиксации опыта из ручного навыка в вербальный делает его особо прочным, ставит под контроль общества, нагружает дополнительными смыслами. Традиция – не хорошо и не плохо – это просто форма сохранения информации.

Стандартная задача археологии – выявить следы общности как группы одной культуры, со своим набором привычек, со своим представлением о том, как эти привычки реализовать. Археологический тип и есть материализованный стереотип, включающий устойчивый перечень признаков, обязательных и желательных (факультативных). Он также отражает систему рабочих навыков, которые входят в состав культуры. Среди них есть признаки, диктуемые материалом, функцией, ситуацией, они малоинформативны для характеристики культур, хотя несут информацию об адаптации, экономике, экологии, быте.

Но и требования, предъявляемые к инструменту – это тоже элемент культуры.

Определение понятия «археологическая культура» через перечисление признаков, по которым она распознается, уходит от поиска сути явления. Археологическая культура – это и есть археологизированная культура. Именно культура как общий опыт и составляет суть этнического единства. Этнос – среда циркуляции информации. Именно культура – суть этноса. Циркуляция информации идет в пространстве – между группами, понимающими друг друга, и во времени – между поколениями. Значимость таких признаков как самоназвание, самосознание, национальный характер ситуационна – это следствие существования такого социума как этнос, а не причина. Наша задача – очистить информацию от случайных факторов и дистиллировать черты социума, уж какие сохранились. Найти следы контактов и следы преемственности. Мы не в состоянии реконструировать этническую культуру разносторонне – слишком мало от нее сохраняется. Но выделить само единство, социум, можем. А значит можем и проследить этническую историю, взаимодействие разных культур, формирование субкультур. Многоступенчатость уровней этнических общностей позволяет проследить историю их родства на неограниченную глубину, без оглядки на лингвистику, которая не располагает, в отличие от археологии, независимой календарной шкалой.

Сложности возникают из-за бедности источников реконструкции культуры – до нас доходят крайне узкие спектры былого опыта. К тому же ограниченность используемых источников для выделения археологических культур ведет к тому, что трансформация таких источников в связи с эволюцией технологий, хозяйства и навыков приводит к обрыву наблюдаемой на каком-то временном отрезке преемственности. Трансформация порождает также интеграция инородной культуры, которая порождает множественные заимствования. Но при этом, обрываясь в одних частностях, в других компонентах преемственность продолжается. Необходимо также помнить, что несмотря на фрагментарность археологического источника, мы имеем дело с древней этнографической реальностью, от которой зафиксирована лишь небольшая ее часть. Это – след жизни каких-то групп. Одна из задач исследования – реконструкция с максимальным приближением ее реалий, этнографического облика группы в конкретные моменты. Другая задача – исследование адаптации, связанных с ней особенностей поведения. Не исклю-

чая и адаптацию социальную. Ее содержание – характер взаимоотношений с соседними группами, а также внутри группы.

Социум не однороден. Половозрастное разделение труда создает древнейшие субкультуры – мужскую и женскую со своими социальными нормами, навыками, даже особым языком. Стремление к лидерству, восходящее к дочеловеческим сообществам, тоже создает свою субкультуру. Особенности психического типа – повышенная эмоциональность, в том числе эмоциональная память, по мере усложнения восприятия мира накапливает иррациональную культуру, строящуюся на закреплении эмоционального опыта. Специалисты по иррациональной культуре – колдуны, шаманы, волхвы, жрецы, но также и скальды. В какой-то момент объем иррациональной культуры начинает требовать обученных специалистов. Далее возникают субкультуры мастеров, корпоративные, включая специалистов по общению между социумами, а также воинская субкультура, которая легко переходит в межэтническую – здесь активно идет заимствование чужого опыта. Субкультуры обретают знаковые атрибуты, и по ним мы можем наблюдать в какой сфере идет межэтническое взаимодействие.

Статистика отражает количественный фактор концентрации признаков в социуме. Она требует формализации, определения единиц статистического учета как тождеств. Сопоставляются множества, сложенные из условно тождественных элементов. И тут самое слабое место – доказательство тождества признака. Использование очевидных и элементарных признаков мало полезно: элементарные признаки слишком неоднозначны по содержанию. Упрощение, обобщение признака для удобства его использования исследователем теряет существенные детали, делает малозаметными различия в осмыслении, ведет к потере информации, вплоть до фальсификации.

Мы можем увидеть в признаке вовсе не то, что видели люди иной культуры. Доказательством может быть только сложный признак, включающий, пусть и еще не распознанный, текст осмысления. Простой признак случаен, в разных культурах он имеет разные ассоциации (если вообще имеет), культурная специфика его недоказуема. Он имеет форму, но не содержание, или оно крайне неустойчиво. Количество возможных вариантов использования простых элементов невелико. Ямки в орнаменте, насечки, пояски, стандартные геометрические фигуры могут иметь десятки значений. Их устойчивые сочетания уже содержательней. А вот строго определенный набор ко-

стей, использовавшихся в орнаменте льяловской посуды, показывает, что нагружены ассоциациями были не любые кости, а именно этот набор. Использование зубов и челюстей как орнаментов в средневолжской и приуральской керамике – это тоже элемент культуры. Те же кости (челюсти) были в распоряжении льяловцев, но они никогда их не использовали для орнаментации. Это уже случай негативной корреляции. То, что здесь закодирован какой-то текст, почеркнуто тем фактом, что именно этот элемент не встречается в льяловской керамике, а контакты волго-камской культуры и льяловской были. Ямка в орнаменте может иметь множество разных смыслов в разных культурах, а потому она нейтральна, скорее, значимым может быть отсутствие ямок. Существенно не наличие ямок, а воздействие (или его след) на сосуд определенным предметом. В этом и заключалось магическое действие. Выполненная белемнитом ямка – это бесспорно элемент конкретной культуры, так как за ней стоит отдельный текст осмысления предмета, который мог существовать только в вербальной форме. Белемниты встречаются далеко не повсеместно, и их требуется издалека доставить на поселение, а заменять их на иные ямочные штампы стали только в финале льяловской культуры. Сложный признак предполагает наличие текста, материализацией которого он является. Сам текст мы можем не читать, но наличие его определяется (доказывается) по отрицательной корреляции.

Археология, занимаясь историей культур, не может не делать выводов об этногенезе. Реконструируя систему генетических связей и контактов, она непосредственно касается вопросов глоттогенеза. Мы не наблюдаем звучания языка, но видим, что существовало единство. Язык же – это существенная часть культуры. Условия его функционирования проявляются в археологических источниках и наша задача – выделить, опознать группу, которая находится в

родственных связях с другими группами. Реконструируя быт, хозяйство, систему связи, мы имеем дело с условиями функционирования языка.

Условия биологического существования человека – тоже поле археологии, которое дает непосредственные источники для осмысления антропологии. Антропология фиксирует биологическое родство. Лингвистика – фиксирует контакты, но и остальные гуманитарные науки это делают. По сути, все они выстраивают генеалогические древа, и нет оснований считать, что это не одно и то же древо.

Но и история природы – тоже входит непосредственно в круг интересов археологии. Она же дает основания и для относительной и абсолютной датировки, и для реконструкции адаптивных возможностей культуры. К тому же конкретика археологических наблюдений за формированием природной среды – режима рек и озер, седиментации осадков, характера изменений растительности и мира, наблюдаема при археологическом исследовании, значительно детальнее, чем это получают палеогеографы при изучении крупных регионов.

Мы не в состоянии реконструировать этническую культуру столь же разносторонне, как ее наблюдает этнография – слишком мало от нее сохраняется. Но выделить единство, социум, можем. А значит – можем проследить этническую историю, взаимодействие разных культур. Это то, что археология может. Многоступенчатость уровней этнических общностей позволяет проследить историю их родства на неограниченную глубину, без оглядки на лингвистику, которая не располагает, в отличие от археологии, независимой календарной шкалой. Исследование былой действительности завершается ее реконструкцией. В результате и проверяется системность выстроенной связи. Чем шире охват действительности, тем достовернее реконструкция, тем заметнее ее ошибки и недостоверные предположения.

PHILOSOPHY OF ARCHAEOLOGY

Vladimir Sidorov

Institute of Archaeology RAS, Moscow

Like any mature science, archaeology has philosophy in so far as the subject of own researching – ancient past – and reflects entirety, system connection. Archaeology is the method of reconstruction of the past based on the material traces, which peculiar not only for archaeology. Like in any historic discipline the subject of archaeology is society.

The activity of social creature includes the using of the prepared decisions, stereotypes, which are recorded experience of other individuals of society. But this is a culture as community experience, i.e. information, received by learning. System of the accumulation, recording and transfer of backgrounds collects inside of

the community. As a matter of fact culture is no material, no spiritual – she has an informational sphere.

Typical aim of archaeology is to found traces of the community as group of one culture, with hers selection of customs and presentation about how these customs could be realized. Archaeological type is materialized stereotype, which including stable list of features (necessary and eligible (facultative)).

Definition of the term «archaeological culture» by citations of features, upon which culture perceived, goes away from searching of the phenomenon's essence. Exactly culture as a common experience makes core of the ethnic unity. Ethnos is a sphere of the information circulation. In particular culture is an essence of ethnos.

Study of the past reality is stopped by her reconstruction. As a consequence the consistency of the organize connection is verified.

doi.org/31600/978-5-91867-189-4-2019-74-79

ДИСКУССИЯ О СХОДСТВЕ/РАЗЛИЧИИ ВАЛДАЙСКОЙ И ВЕРХНЕВОЛЖСКОЙ КУЛЬТУР

Г.В. Сеницына*, А.В. Уткин**

** Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург*

*** Ивановский государственный университет, Иванов*

Длительная дискуссия о сходстве/различии соседних ранне-неолитических валдайской и верхневожской культур актуальна до сих пор. Рассмотрение проблемы путем сопоставления типов орудий затруднено из-за того, что ряд категорий инвентаря выходит за рамки верхневожского бассейна, на что указывал и Д.А. Крайнов, объясняя это единой мезолитической подосновой [Крайнов 1996: 173].

Богатство инвентаря верхневожской культуры объясняется тем, что ее геонархеологические объекты расположены в шлейфах, тогда как стоянки валдайской культуры исследованы только на боровых террасах, озах. Техничко-типологические характеристики верхневожской культуры – каменного инвентаря, керамики, костяного инвентаря за счет их сохранности дают более полные представления о культуре, ее хронологии, в то время как памятники валдайской культуры достаточно часто имеют примесь более поздних эпох, что часто используют в своих аргументах против выделения валдайской культуры как отдельной единицы.

Валдайская культура, выделенная в 1958 году Н.Н. Гуриной [Гурина 1958; 1973; 1996], рассматривалась как культура, прошедшая в своем развитии этапы от мезолита до позднего неолита, принявшая инновации в виде керамического производства.

Своеобразие материалов валдайской культуры определено наличием богатейших выходов сырья, поскольку здесь, начиная с финального палеолита, существуют центры кремнеобработки. Ранцевые наборы (клады) мезолита и неолита являются ярким свидетельством обмена, транспортировки кремня в безкремневые зоны, наличия связей с кругом бал-

тийских культур. Разница в развитом неолите особенно наглядна: территорию верхневожской занимает льяловская культура, а валдайская в развитом неолите продолжает свое развитие. Несмотря на значительные по площади раскопки, пока не найдено ни одного памятника льяловской культуры в валдайском поозерье.

При установлении сходства/различия между культурными единицами учитываются все составляющие – не только типы инвентаря, но и типы жилищ, являющиеся одним из основополагающих признаков сходства/различия. В верхневожской культуре они представлены на стоянке Сахтыш VIII двумя жилищами округлыми в плане [Костылева 1986] и одним, по-видимому, подчетырёхугольной в плане формы на стоянке Малая Ламна I [Костылева др. 1986]. Жилища валдайской культуры, более многочисленные, расположены на боровых террасах, в большинстве случаев подпрямоугольной формы с корридоробразным входом, который ориентирован под углом относительно водоема. Это стоянки финального мезолита – неолита: Котицы, Котицы V, Ланино I/V, Заболотье II, Зехново III, Свёклино, Залесье I, Торг [Гурина 1989, 1996; Верещагина и др. 1995; Верещагина 1997; Сеницына 1997; Тимофеев 1997]. Исследовано 16 жилищ, из них 14 имеют в плане прямоугольную или подквадратную форму пятен, разнообразные конструкции и количество очагов. На стоянке-мастерской Свёклино одно из трех жилищных пятен имело овальную в плане форму. Площадь жилищных пятен варьирует в пределах 10–50 кв. м. На стоянке Котицы внешний контур жилищного пят-